

ВЕЛИКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК БОЛЬШОЙ БИЗНЕС

А.В. Шипилов

Н. Эйдельман как-то заметил, что вся великая русская литература «родилась» почти одновременно: между 1799 и 1826 гг. появились на свет Пушкин, Тютчев, Гоголь, Белинский, Герцен, Гончаров, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Некрасов, Щедрин, Лев Толстой. Почему же русская литература обрела величие не раньше и не позже, а именно в первой половине XIX века?

«Три кита», на которых стоит литература — это писатель, издатель и читатель. Значимость произведений для общества (художественные достоинства и недостатки мы здесь не рассматриваем) строго коррелирует с состоянием литературного рынка. А первичное условие самого существования такого рынка — наличие более или менее значительной читательской аудитории, производной, в свою очередь, от состояния системы образования.

Вплоть до второй половины XVIII века размеры «образованного общества» в России были просто карликовыми — несколько тысяч дворян и разночинцев, разбросанных по полкам и канцеляриям. Ситуация начала меняться только при Екатерине II, когда на смену конгломерату самых разных элементарных и специальных училищ, где обучалось всего пятьдесят тысяч человек, пришла первая государственная школьная система. При Александре I и Николае I эта система быстро расширялась, так что к концу правления Николая в Российской империи насчитывалось до 10 тыс. школ и 500 тыс. учащихся, а еще через десять лет, к 1864 г., эти цифры возросли до 33,5 тыс. и 824 тыс., соответственно.

Школьное образование как таковое можно уподобить машине, перерабатывающей *Gemeinschaft* в *Gesellschaft*. Проходя через школу, человек «общины» становится человеком «общества» (в классической трактовке Ф. Тённиса). Общинный человек подходит к знанию со стороны жизни — общественный человек подходит к жизни со стороны знания; культура первого производна, культура второго производителна. Грамотный человек принципиально, качественно отличается от неграмотного — они действительно живут в разных мирах. С этой точки зрения чрезвычайно показательным выглядит феномен эпистолярной культуры. Если при Петре I количество почтовых отправок не превышало несколько десятков тысяч в год, то к середине 60-х гг. XIX в. оно выросло до 42 миллионов, причем большая часть этого роста пришлась на первую половину века — только с 1822 по 1857 гг. объем письменной внутрироссийской корреспонденции вырос более чем в 6 раз.

Но есть и другой, более надежный показатель — данные по книгоизданию и библиотечному делу. В середине XVIII века в России имелось лишь два десятка типографий; в 1813 г. их было уже 66, в 1855 г. — 150, в 1864 г. — 276. Если в начале XVIII в. в год издавалось в среднем по 12 книг, то в начале XIX в. — уже по 150, в 1825 г. — 575, а в 1855 г. — 1020 на 119 названий больше, чем за всю первую половину XVIII века! В 1800 — 1855 гг. появилось 499 новых журналов, а за одно следующее пятилетие — еще целых 147. В середине XIX в. книжный рынок за год поглощал уже больше товара, чем за всю первую половину предшествовавшего столетия.

Но, может быть, еще важнее были качественные изменения рынка. Пока в стране не было сколько-нибудь значительного количества образованных людей, большая часть рынка была заполнена традиционной духовной литературой, которой отдавали предпочтение грамотеи из купцов, приказных и посадских. Что же касается литературы светской, то образованное дворянство читало в основном привозные или изданные в России книги на французском и немецком языках (из 9513 названий книг, изданных в России в течение XVIII века, 3420 — более трети было на иностранных языках), а читатели из «подлых», иностранным языкам не обученные, наслаждались старинными или новосочиненными рыцарскими и любовно-авантюжными романами. На этом специфическом рынке зарабатывали себе на жизнь компиляторы и сочинители, бывшие одновременно и издателями, причем зарабатывали не слишком много: один из самых известных литераторов такого типа, М.Д. Чулков, автор романа «Пригожая повариха, или похождения развратной женщины», говорил о себе: «Я не из тех людей, которые стучат по городу четырьмя колесами... Дому я не имею, хозяином не слывал от рождения и, может быть, до самой смерти не буду иметь сего названия... Сколько мало мое понятие, столько низко мое достоинство, и почти совсем не видать меня между великолепными гражданами. Крайне беден, — что всем почти мелкотравчатым, как я, сочинителям, общая участь». Действительно, не будучи дворянином, Чулков мог лишь смириться со своим «низким достоинством». Еще ниже было достоинство Матвея Комарова, вольноотпущенника из дворовых, сочинителя таких бестселлеров, как «Описание жизни славного российского мошенника Ваньки Каина» (десять изданий только за 1775 — 1784 гг.) и знаменитая «Повесть о приключении англичанского милорда Георга» (четыре издания за 1782 — 1791 гг.; в 1839 г. вышло 10-е издание; издавался «Милорд Георг» и позднее, вплоть до 1918 г.). Находившийся «в числе низкого состояния людей», автор характеризовал свою читательскую аудиторию так: «Чтение книг вошло у нас в великое употребление: ибо ныне не только просвещенное науками благородное общество, но и всякого звания люди с великою охотою в том упражняются: чего ради и выходит в публику немалое количество разного сочинения книг, наполненных или нравоучениями, или служащих для увеселения и препровождения от

тоски праздного времени, которые охотно читают и самые поселяне, обучавшиеся грамоте, которых ныне уже довольно»¹.

Бывший дворовый, пишущий для обучившихся грамоте поселян, мог, конечно, кое-что на этом заработать, однако эта массовая, популярная литература вместе с ее читателями, издателями и самими писателями все равно оставалась в социальном «низу» (при этом «низшие», как это всегда бывает, стремились писать и читать о «высших»). «Подлые» писатели сочиняли свои «подлые» книжки для «подлых» читателей – никакого «высокого достоинства» таким путем обрести было нельзя. Комаров и подобные ему были известны в широких, но «низких» кругах, и их сочинения в принципе не могли стать общественным явлением, а сами они, соответственно, приобрести более-менее значительный социальный статус: «приличные люди» таких книг не читали, а если и читали, то все равно смотрели на их сочинителей свысока, как на «низших». Даже когда позднейший некрасовский мужик «нес с базара» не Белинского и Гоголя, а как раз «милорда глупого», — это было для поэта-народолюбца свидетельством не удивительной популярности «милорда», а беспросветного невежества «мужика», предпочитавшего Матвея Комарова и Белинскому, и Гоголю, и самому Некрасову.

Даже не противоположность, а оборотную сторону этого являла собой «высокая» литература для «высших». Ситуацию на рынке этой литературы Н.И. Новиков характеризовал в своем «Живописце» с блестящей иронией, из-под которой, однако, просвечивали самые натуральные огорчение, негодование и зависть: «Здесь примечена великая перемена в продаже книг. Прежде жаловались, что на российском языке не было почти никаких полезных и к украшению разума служащих книг, а печатались одни только романы и сказки; но, однакож, их покупали очень много. Ныне многие наилучшие книги переведены с разных иностранных языков и напечатаны на российском; но их и десятую долю против романов не покупают. Прежнему великому на романы и сказки расходу причиною было, как некоторые сказывают, невежество; а нынешнему малому наилучшим книгам расходу полагают причиною великое наше просвещение. ...Что ж касается до подлинных наших книг, то они никогда не были в моде и совсем не расходятся... И какой бы лондонский книгопродавец не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги иногда в десять лет насилу раскупятся? О времена! О нравы! Ободрайтесь, российские писатели! Сочинения ваши скоро и совсем покупать перестанут»².

Но российские писатели и без того знали, что продажей своих сочинений они не проживут, и потому работали не на рынок, а на императорский двор: средства к существованию давала им служба, а сочинительство было, в лучшем случае, одним из средств по службе продвинуться, а чаще просто хобби. Зарабатывать сочинительством, продажей своего труда было «подлым» занятием для «подлых»: любая работа на другого за деньги являлась

признаком неблагородства, и в этом отношении между каменщиком и живописцем не было большой разницы – оба являлись ремесленниками, и «мастерство» первого служило таким же показателем невысокого социального статуса, как и «художество» второго. Правда, литературные занятия являлись до некоторой степени исключением. Не в силу какого-то «возвышенного» характера, а просто потому, что требовали соответствующего уровня образования, включая знание языков, получить которое было непросто. Не случайно в течение всего рассматриваемого периода в России было очень много крепостных живописцев, актеров, музыкантов и т.д. – одних архитекторов известно более сотни, но фамилии крепостных литераторов встречаются лишь единицами. Но главное было даже не в этом: самой надежной гарантией того, что представители «низших» социальных слоев не начнут заниматься «высокой» литературой, было то, что на последней принципиально нельзя было заработать. Вернее, прочитав свое сочинение при дворе или в вельможном особняке, можно было получить в виде награды какой-нибудь дорогостоящий подарок, но источником постоянного дохода это стать не могло. Рынок «высокой» литературы как таковой, отсутствовал, она не была товаром, и потому литература не могла стать профессией.

С другой стороны, профессионалов тогда вообще презирали, ибо профессионализм был печатью принадлежности к социальному «низу». «Приличный» человек получал средства к существованию за счет службы и душевладения, и только в этом случае его мануфактурные, торговые, ростовщические и откупные предприятия и операции не могли быть поставлены ему в укор: имея чин и поместье, можно было извлекать деньги из чего угодно, ибо все эти вспомогательные занятия ничуть не влияли на «благородство». Поэтому литераторы XVIII столетия – это, собственно, никакие не литераторы, а военные и гражданские чиновники, состоящие на действительной службе или отставные, которые время от времени что-то пописывали. Их аудитория – это двор и узкий круг столичного дворянства, узкий настолько, что тиражи литературных произведений не превышали нескольких сотен экземпляров; денег они за это никаких не получали – наоборот, печатали за свои деньги (причем исполнявшие тогда функции издательств типографии требовали с заказчика оплаты тиража не по себестоимости, а по продажным ценам), а получали известность у монарха и вельмож, что было дороже всяких денег, но могло и принести доход — но не напрямую, а опосредованным службой полуфеодалным путем.

Действительно, кто такие литераторы XVIII века? Иногда это служащие сочинители, но чаще – сочиняющие служащие. При этом статус вторых гораздо выше статуса первых, ибо сочинительство для первых суть занятие основное, а для последних – побочное, а статус писателя тем выше, чем меньше он является писателем. П.П. Шафиров и Ф. Прокопович писали прямо по указке царя, их духовные или политические сочинения были просто составной частью их службы или служения и публиковались

именно потому, что носили характер государственного заказа. В.Н. Татищев начал службу солдатом, а закончил тайным советником; он сочинял точно так же, как воевал, управлял и строил. Всякий служащий дворянин был профессионалом только в одном — в управленческой, административно-командной деятельности, поэтому один и тот же человек мог быть драгуном, артиллеристом, интендантом, дипломатом, специалистом по горному и монетному делу, губернатором, географом и историком. Татищев занимался писательством точно так же, как подавлял восстания и строил заводы и города; между сочинением инструкций и уставов и писанием российской истории была только та разница, что одно было служебной обязанностью, а другое – служением отечеству. Соответственно, первым надо было заниматься по обязанности, а второму можно было предаваться по желанию. Но зато уставы и инструкции печатались и за них (в том числе) шло жалование и давались чины, а написанная в отставке «История» распространялась лишь в списках, так как публиковались исторические сочинения только академических профессоров, которые получали жалование и чины за свою службу по ученой части.

Антиох Кантемир мог заявить: «все, что я пишу, пишу по должности гражданина», — но такой должности не было, и потому его сатиры тоже не были опубликованы и расходились в списках. Должность у него была совсем другая: сын молдавского господаря, князь, получивший за свою позицию в известных событиях 1730-го года более тысячи душ, он прошел путь от гвардейского прапорщика до сенатора и тайного советника, был резидентом в Лондоне и послом в Париже, а все его эпиграммы, сатиры, переводы, ученые и философские сочинения оставались его личным, частным делом. Он не был поэтом, служившим по статской, он был дипломатом, увлекавшимся литературой. Сатиры Кантемира не приносили ему ничего, кроме неприятностей и широкой известности в узких кругах, зато служба дала и высокие чины, и крепостных.

А вот попovich Василий Тредиаковский был настоящим профессиональным литератором, состоя при дворе Анны Иоанновны в звании «придворного поэта». И что же: сочинителя торжественных од воспринимали при этом дворе как некоего шута, которого можно награждать пощечинами и бить палками. Такое положение ко многому обязывало: по словам М.А. Дмитриева, «когда при торжественном случае Тредиаковский подносил императрице Анне свою оду, он должен был от самых дверей залы до трона ползти на коленях»³. При Елизавете Петровне Тредиаковский удостоился чести стать профессором Академии наук, но его оттуда в два счета выгнали, как только он проиграл в своей известной полемике с Ломоносовым и Сумароковым.

Двое последних были, конечно, не чета Тредиаковскому. А.П. Сумароков происходил из старинного боярского рода, окончил Шляхетский корпус и дослужился до чина действительного статского советника; лите-

ратура была для него и призванием, и службой – эти понятия у него практически не разделялись. В 1756 г., когда он был назначен директором первого «Русского для представления трагедий и комедий театра», ему было положено жалование (помимо того, что причиталось по бригадирскому чину) в 1000 рублей в год — поистине царское содержание, особенно если учесть, что весь бюджет театра, откуда шло жалование директору, равнялся 5000 руб. Правда, в 1761 г. Сумароков, не оставляя занятий литературой, вышел в отставку, но и отставного генерала, пусть даже разорившегося и спившегося, трудно назвать профессиональным литератором.

Тем более не являлся таковым М.В. Ломоносов, который, хотя и был небогородного происхождения, по своей ученой службе получил дворянство и генеральский чин. Ломоносов смотрел на свои литературные занятия точно так же, как и на научные – это была служба или, говоря более возвышенно, служение отечеству. Обращаясь в 1759 г. к канцлеру графу М.И. Воронцову с «всеуниженным прошением» об учреждении должности вице-президента Академии наук («совершенное право имею всенижайше просить о произведении меня в оное достоинство»), Ломоносов приложил к письму «роспись упражнений сего 1759 года», в которой сначала перечислялись дела по Академии, затем научные исследования, а под конец упоминались упражнения «в истории и в словесных науках», где среди прочего значилось:

«4. Сочинил краткие стихи: 1) На фортуны. 2) На ландкарту его высочества государя великого князя Павла Петровича. 3) Ораниенбаумские экзерциции. 4) На Петров день в Петергофе. 5) На победу у Пальцига, будучи в Гостилицах.

5. Переводил стихи из Сенеки и с немецкого.

6. Сочинил оду на тезоименитство ея величества и на победы»⁴.

В сущности, все это была служба. Ломоносов служил, а «речью» ли, «химией» ли, — не суть важно.

Но уже начиналась эпоха Екатерины: дворянство получило вольность, стали множиться масонские ложи, образованное общество начало понемногу расширяться за пределы дворца и особняков придворных вельмож. Привычки меценатов старого закала стали также понемногу отходить в прошлое, зато начали распространяться новые представления о назначении литературы и месте литераторов на общественной лестнице. Сумароков, спившись и разорившись, умер в 1777 г. в такой нищете, что его на свой счет похоронили актеры, которыми он когда-то директорствовал. Но если об умершем за восемь лет до этого Тредиаковском никто и не вспомнил, то на смерть Сумарокова в «Санкт-Петербургском вестнике» появился некролог, где о нем, кроме прочего, было сказано: «Имел он высокое мнение о звании и достоинстве прямого стихотворца»⁵. Нельзя сказать, чтобы это высокое мнение стало общим, однако сами литераторы, несомненно, стали придавать своему занятию большее значение, чем прежде. И у них были для того основания.

С 60-х годов XVIII в. обозначился достаточно устойчивый рост книжного рынка, что создавало предпосылки к профессионализации писательского труда. Конечно, одним сочинительством прожить «приличному человеку» было еще невозможно, однако, совмещая его с журналистикой и книгоизданием, а доходы от книгопродажи — с помощью от меценатов, кое-что уже можно было делать. Пример того — деятельность Н.И. Новикова: средний дворянин, учившийся в гимназии Московского университета, служивший в гвардии в низших чинах, вышедший в отставку в чине армейского поручика, бывший секретарем Уложенной комиссии, с 1769 г. начал заниматься журналистикой. Появившиеся незадолго до этого российские литературные журналы являли собой довольно занимательную картину: их издатели одновременно были авторами большинства, а то и всех публикуемых материалов, издавались они на средства самих издателей и на деньги меценатов, распространялись по подписке, причем подписчиков «субскрибентов» было еще так мало, что зачастую часть тиража в несколько сотен экземпляров раздавали даром (с условием не подписываться на издания конкурентов), а срок существования этих вполне эфемерных изданий редко выходил за пределы одного года, а то и нескольких месяцев. Трудно сказать, давали ли вообще эти издания хоть какую-нибудь прибыль. Но если даже и давали, то жить на эти деньги все равно было бы довольно сложно.

Новиков и сам убедился в этом, издавая свои не долго просуществовавшие, хоть и вошедшие в историю, сатирические журналы. Но он постепенно расширяет обороты: издает «Ученые ведомости», затем ежемесячник «Утренний свет», который уже в момент начала издания имел тираж 800 экземпляров и расходился не только в двух столицах, но и в 26 губернских, 24 уездных городах и 7 местечках, а также «Библиотеку для дамского туалета», «Экономический магазин», приложение к «Московским ведомостям» под названием «О воспитании и наставлении детей», журнал «Детское чтение для сердца и разума» и др. Это было шагом огромной важности — издатель сам вышел на провинциальный книжный рынок. Не менее важно было то, что Новиков вступил в масонскую ложу и приобрел поддержку ряда влиятельных лиц, а также еще больше укрепил связи с провинцией. М.М. Херасков, будучи вторым куратором Московского университета, отдал ему в аренду университетскую типографию. В 1782 г. университетские масоны легализовались под видом филантропического «Дружеского ученого общества», а в следующем году было разрешено открывать частные типографии, и общество завело их сразу две, преобразовавшись в 1784 г. в акционерную «Типографскую компанию». Дело было поставлено на широкую ногу: кроме журналов и газет (тираж «Московских ведомостей» увеличился с 600 до 4000 экз.), компания стала издавать массу книг. Новиковские издания, изготовлявшиеся на двух десятках печатных станков, расходились по всей стране. Новиков делал скидки, продавал

книги в рассрочку, открывал свои книжные лавки в Москве и провинциальных городах.

Это было уже не баловство с сатирическими журнальчиками, а серьезный бизнес: капитал «Типографской компании» исчислялся сотнями тысяч рублей, а прибыль составляла от 40 до 80 тыс. рублей в год. Сочинениями, переводами, изданием и книготорговлей жили десятки людей (одних типографских рабочих было около сотни). Это был настоящий островок «печатного капитализма».

Однако подобное образование еще не могло не быть инородным телом в социально-экономической ткани общества. К тому же масонско-просветительско-филантропическая деятельность компании вызвала резкую реакцию со стороны императрицы: в 1791 г. прекратила существование «Типографская компания», в следующем году была закрыта типография Новикова, а сам он посажен в Шлиссельбург. Так закончился первый опыт превращения «высокой» литературы из предмета придворного досуга в профессионально-коммерческое предприятие.

Конечно, опыт Новикова еще никак нельзя назвать примером нормы для своего времени. «Нормальными» литераторами были люди типа Хераскова, Державина, Дмитриева — чиновники, занимающиеся сочинительством хотя уже и не по службе, но и не вместо службы.

Очень показателен один эпизод из биографии Г.Р. Державина. В 1770 г. гвардии сержант Державин решил закончить свой более чем двухлетний отпуск, который провёл в основном за карточной игрой, и отправился в столицу, но был по дороге задержан карантинном (это был год чумы в Москве). Чтобы не сидеть без толку две недели, Державин попытался уговорить караульных, «но как был у него один сундук с бумагами, то и находили его препятствием; он, чтобы избавиться от оно́го, сжег при караульных со всем тем, что в нем ни было, и, преобратя бумаги в пепел, принес на жертву Плутону все, что он во всю молодость свою через 20 почти лет намарал, как то: переводы с немецкого языка и свои собственные сочинения в прозе и стихах»⁶. Этот эпизод, описанный Державиным в мемуарах, чрезвычайно показателен: гвардейский сержант настолько легко относится к своим сочинениям, что не задумывается сжечь все написанное за 20 лет и еще неопубликованное (впервые Державин выступил в печати в 1773 г.). Представим себе для сравнения, что ровно 60 лет спустя Пушкин, который также рвался из Болдина в Москву на свадьбу и был задержан холерным карантинном, взял бы, да и сжег все написанное начиная со времени поступления в Лицей (фактически, те же 20 лет) — при том, что ничего из этого еще не было опубликовано. Или хотя бы то, что было им написано за одну «Болдинскую осень» и что он вез с собой. Как-то это не очень представляется. И именно потому, что Пушкин был в первую очередь «сочинителем», а Державин — унтер-офицером.

Впрочем, в самом конце XVIII в. ситуация все же начала меняться. Н.М. Карамзин – сын отставного капитана и симбирского помещика, был записан в полк, как водится, чуть ли не с рождения. Однако, прослужив на действительной службе всего три года (1782 – 1784 гг.), он предпочел выйти в отставку гвардейским поручиком и начал работать у Новикова. Затем попробовал издавать «Московский журнал», но у него, как водится, оказалось не более 300 подписчиков, занимался переводами, осуществлял другие издания (альманахи «Аониды», «Аглая»), работал в «Московских ведомостях», но все это давало столь незначительный доход, что в 1798 г. в письме к Дмитриеву он характеризовал рыночную ситуацию так: «Русская литература ходит по миру с сумой и с иконой: худая пожива с нею»⁷. Правда, со временем слог и тематика его повестей, рассчитанных на широкого читателя, т.е. не только на чиновничество и поместное дворянство, но и на определенную часть грамотных купцов, приказных и мещан, принесли Карамзину известность даже в том «обществе», где раньше ценились только чины и близость к двору. Ф.Ф. Вигель вспоминал: «В тогдашнее еще чиновничье время было даже несколько странно видеть стариков-вельмож, почти как с равным, в обхождении с тридцатилетним поручиком»⁸. Однако известность известностью, но нужно же еще на что-то жить. Карамзин затевает издание «Вестника Европы» (1802 – 1803 гг.) — журнала, «который составлял его доход и был необходим для семейства»⁹. Но доход этот опять оставлял желать лучшего, так что в конце концов Карамзин бросил вольные литературские хлеба и поступил на службу – в 1803 г. Александр I назначил его придворным историографом. «Историю государства Российского» он писал до самой своей смерти, и это было, опять-таки, службой. Во дворце еще не оскудевала рука дающего – вступив на престол, Николай I назначил Карамзину и его детям поистине царскую пенсию в 50 тыс. рублей (правда, Карамзин умер спустя неделю после этого указа, но его семья пользовалась императорской щедростью).

Не будем подробно разбирать перипетии литературного процесса 1800-х–1810-х годов: борьбу «шишковистов» с «карамзинистами», «Беседы» – с «Арзамасом», быт литературных салонов и т.д. Все, что происходило в это время, безусловно, привлекало внимание довольно широких кругов образованного общества к литературе и литераторам, но решительных сдвигов еще не было: А.С. Шишков, П.А. Ширинский-Шихматов, Д.И. Хвостов, П.А. Вяземский, Д.Н. Блудов, В.А. Жуковский – все они служили, имели те или иные чины и занимались литературой либо в отставке, либо между службой, либо прямо по службе. Конечно, люди этого типа уже несколько отличались от придворных стихотворцев прежних царствований, но литература по-прежнему не являлась для них «делом жизни».

Лучше взглянем на следующую эпоху, т.е. период 20-х – 30-х гг. XIX в., и обратимся сразу к фигуре Александра Сергеевича Пушкина. Пушкин был потомственным дворянином, чей род восходил к временам Александр-

ра Невского и даже еще более ранним и семья его входила в состав тысячи с небольшим богатейших дворянских фамилий страны (более, чем тысячей душ, владели лишь около 1 тыс. помещиков, т.е. примерно 1% от их общего количества). Правда, Сергей Львович хозяином был никудышным, души закладывались и перезаклаживались, и в 1834 г. дело дошло до описи имения, которое должны были продать за долги.

Надо сказать, что сам Александр Сергеевич, по сути дела, помещиком не был – он имел 220 душ в распоряжении, но не в собственности (он мог закладывать эти души, но не имел права продать их при жизни отца), оброчных денег, кажется, не получал, хозяйством занялся не по своей воле и лишь в последние годы жизни и больше заботился о содержании отца, сестры и брата, чем о собственных доходах с имений. Но, с другой стороны, верно и противоположное – Пушкин был помещиком, внуком, сыном, племянником, братом помещиков, и если бы его отец умер раньше 1837 г., получил бы не менее 500 душ и 2000 десятин. Юридически, фактически и в глазах окружающих он являлся потенциальным наследником крупного имения, сыном одного из крупнейших душевладельцев страны.

Но, несмотря на это, Пушкин жил на свои сочинения — фактически, он был одним из первых профессиональных литераторов. Точнее, профессиональные литераторы, жившие за счет своих сочинений, были и до него, и при нем — но это были производители литературы массового спроса, «лубочной». Об одном из таких рыночных писателей, А.А. Орлове, Пушкин сам говорит в своей иронической полемике с Булгариным — этот Орлов за один год выпустил три книжицы общим тиражом более 5000 экз. Однако Орлову книгопродавцы платили по 20 рублей за рукопись; что же касается Пушкина, то здесь речь шла о совсем других деньгах. За первое издание «Кавказского пленника» (1822 г.) Пушкин получил 500 руб.; деньги, конечно, небольшие, но все его жалование составляло тогда 700 руб. в год. Гонорар Пушкина за «Бахчисарайский фонтан» (1824 г.) составил уже 3000 руб. – деньги уже весьма серьезные; дальше гонорары росли еще быстрее – если первое издание «Кавказского пленника» принесло 500 руб., то за второе издание в 1824 г. давали уже 3000 руб. В 1827 г. Пушкину уже платили по 10 руб. за строку, за «Бориса Годунова» он получил 10 тыс. руб., а в целом его литературные доходы составляли 20 тыс. руб. в год. В 1830 г. Плетнев подготовил ему контракт на 4 года со Смирдиным: Пушкин давал последнему право на продажу своих прежде опубликованных сочинений (за исключением «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника») и получал за это по 7200 руб. в год (Плетнев писал Пушкину: «в продолжение четырех лет (начиная с 1 мая 1830 года) каждый месяц ты будешь получать от меня постоянного дохода по шести сот рублей, хотя бы в эти четыре года ты не стихка не напечатал нового: будешь кормиться все старыми крохами»¹⁰).

Пушкин входит во все детали писательского ремесла: его заботит ситуация на рынке, волнует, как скажутся на объеме продаж критические журнальные рецензии на его произведения. Он ругается в письме к брату на своих друзей и почитателей, которые вольно или невольно распространяют «Бахчисарайский фонтан» в списках, что подрывает сбыт печатного издания: «Остается узнать, раскупится ли хоть один экземпляр печатный — теми, у которых есть полные рукописи»¹¹. За то же самое Пушкин ругает и самого брата: «Я отослал тебе мои рукописи в марте — они еще не собраны, не цензурованы — ты читаешь их своим приятелям до тех пор, что они наизусть передают их московской публике. Благодарю»¹². Он заводит тяжбу с неким Ольдекопом, который «без моего согласия и ведома, перепечатал стихотворение мое «Кавказский пленник» и тем лишил меня невозвратно выгод второго издания»¹³. Он пишет «Евгения Онегина» по главам, издает и переиздает каждую главу отдельно (только за одну главу «Онегина» он получил 5000 рублей), затем лишь выпускает издание целиком; Пушкин получает доход с каждого переиздания и весьма тщательно продумывает рыночную стратегию с каждым новым изданием. Например, он пишет Плетневу по поводу издания «Повестей Белкина»: «Я такого мнения, что эти повести могут доставить нам 10 000»¹⁴, и дает калькуляцию расхода и прихода. В другом письме Пушкин дает подробные указания, как увеличить листаж, какую назначить отпускную цену и как добиться лучшей раскупаемости:

«Правила, коим будем руководствоваться при издании, следующие:

- 1) Как можно более оставлять белых мест и как можно шире расставлять строки.
- 2) На странице помещать не более 18-ти строк.
- 3) Имена печатать полные, напр., Иван Иванович Иванов, а не И. Ив. Ив — в. Тоже и об городах и деревнях.
- 4) Числа (кроме годов) печатать буквами.
- ...6) Смирдину шепнуть мое имя, с тем чтоб он перешепнул покупателям.
- 7) С почтеннейшей публики брать по 7-ми рублей вместо 10-ти — ибо нынче времена тяжелые, рекрутский набор и карантин»¹⁵.

На свои литературные труды Пушкин возлагает большие надежды. Он рассчитывает получить от «Истории Пугачевского бунта» от 30 до 50 тыс. руб. Затеявая в 1836 г. издание «Современника», он отказывается от 15 тыс. руб. в год, которые ему предлагает Сенковский через Смирдина за то, чтобы он отступился от своего предприятия и остался сотрудником «Библиотеки для чтения», и рассчитывает получить много больше: «Вижу, что непременно нужно иметь мне 80 000 доходу. И буду их иметь. Не даром же пустился в журнальную спекуляцию...»¹⁶. Здесь он, конечно, слегка переоценивал свои возможности — «Пугачев» расходился плохо, да и с «Со-

временником» дела пошли не лучше. Впрочем, как знать, что из этого могло бы выйти в дальнейшем, если бы Пушкин не погиб на дуэли.

Собственное профессиональное занятие литературным трудом, зарабатывание денег посредством продажи своих сочинений являлось для Пушкина предметом постоянной и весьма интенсивной рефлексии. Он, конечно, понимал, что для значительной части дворянства писательство все еще выглядело ремеслом, презренной работой на продажу, за деньги, но, как умный человек, не собирался скрывать или как-то затушевывать тот факт, что он занимается именно этим, и потому в своих письмах (особенно 20-х гг.) постоянно кокетничает наигранным тоном или эпатирует своих адресатов шокирующими заявлениями. Вот лишь несколько цитат:

Н.И. Гречу, 1821 г.: «Хотел бы я прислать вам отрывок из моего *Кавказского Пленника*, да лень переписывать. Хотите ли вы у меня купить весь кусок поэмы, длиною в 800 стихов; стих шириною 4 стопы; разрезано на две песни. Дешево отдам, чтобы товар не залежался»¹⁷.

П.А. Вяземскому, 1822 г.: «...Должно смотреть на поэзию, с позволения сказать, как на ремесло. ...Аристократические предубеждения пристали тебе, но не мне, на конченную свою поэму я смотрю, как сапожник на пару своих сапог, и продаю с барышом»¹⁸.

Л.С. Пушкину, 1824 г.: «...Я пел, как булочник печет, портной шьет, Козлов пишет, лекарь морит – за деньги, за деньги, за деньги – таков я в наготе моего цинизма»¹⁹.

Л.С. Пушкину, 1824 г.: «Христом Богом прошу скорее вытащить «*Онегина*» из-под цензуры – слава г... – деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи – режь, рви, кромсай хоть все 54 строфы, но денег, – ради Бога, денег!»²⁰.

П.А. Вяземскому, 1824: «...Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо, я не принадлежу к нашим писателям XVIII века: я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть не для улыбки прекрасного пола»²¹.

А.И. Казначееву, 1824 г.: «Ради Бога, не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека; оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость»²².

С.А. Соболевскому, 1827 г.: «...Да еще говорят: он богат, чорт ли ему в деньгах. Положим так, но я богат через мою торговлю стишистую, а не прадедовскими вотчинами, находящимися в руках Сергея Львовича»²³.

В последнем, как мы убедились, Пушкин был прав: основным источником его доходов являлись не поместья и не служба, а литературный труд, работа на книжно-журнальный рынок. Не всегда на этом рынке он чувствовал себя достаточно уверенно, не всегда мог состязаться с такими профессионалами (в прямом значении этого слова: профессионал – человек, зарабатывающий на жизнь продажей своих продуктов или услуг), как

Н.А. Полевой, О.И. Сенковский, Н.И. Греч, Ф.В. Булгарин и другие, что порой вызывало у Пушкина горькие сентенции типа: «Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок»²⁴. Ему, потомственному дворянину с многовековой родословной, с его поместьями и предками в генеральских чинах, не очень уютно на этом «вшивом рынке», и сквозь призму этого ощущения он смотрит на всю российскую высокую словесность в целом. Пушкин пишет А.А. Бестужеву: «У нас писатели взяты из высшего класса общества. Аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием; мы не хотим быть покровительствуемы равными – вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или одою, а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин. Дьявольская разница»²⁵. Ту же тему он варьирует и в письме К.Ф. Рылееву: «Ты сердисься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (NB, мое дворянство старше). Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от сословия писателей? Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равным им. Отселе гордость etc. Не должно русских писателей судить как иностранных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия. Там стихами живут, а у нас гр. Хвостов прожился на них. Там есть нечего – так пиши книгу, а у нас есть нечего – так служи, да не сочиняй»²⁶. Ту же тему и почти в тех же самых словах он вновь затрагивает в «Путешествии из Москвы в Петербург»: русский писатель – дворянин, он не может искать патронажа «и подносить свои сочинения вельможе или богачу, в надежде получить от него 500 рублей или перстень, украшенный драгоценными камнями»²⁷.

Однако еще полувеком раньше упражнявшиеся в сочинительстве люди, будь они даже хороших родов, и служили, и оды писали, и искали расположения фаворитов, и дареными золотыми табакерками хвалились (а случалось, что и в ломбард их закладывали). Видимо, должна быть и еще какая-то причина, кроме дворянского гонора – и она, действительно, есть: «К тому ж с некоторых пор литература стала у нас ремесло выгодное, – пишет Пушкин, – и публика в состоянии дать более денег, нежели его сиятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то»²⁸. Пушкин понимает, что даже приглашение его к двору есть следствие его литературной известности в обществе, а не наоборот, как то бывало за век до этого. Он ощущает и понимает, что сочинительство отныне дает авторитет, влияние, уважение, оно не только приносит хорошие деньги – оно дает власть, дает независимость и статус, каковых не обеспечивают ни знатность, ни чиновность, ни богатство сами по себе. «Обществ» было уже два: высшее придворное общество, для которого Пушкин – чин IX класса, камер-юнкер и пописывающий русские стишки рифмоплет, и «второе общество» — чиновники, офицеры, студенты, купцы, художники, актеры и т.п.,

— для которого Пушкин — национальный гений. Литераторы прежних времен работали полностью или преимущественно на «первое» общество, так как никакого другого еще не было, а вот Пушкин писал уже не только для высшего, но и для «второго» общества — это и был его рынок и основание его независимости.

Естественно, что не один он зарабатывал на жизнь таким способом: успехи в развитии школьного образования сделали рынок чрезвычайно емким. Теперь только в двух столицах сотни людей зарабатывают здесь неплохие деньги. Гонорары в 30-е годы стали очень приличными: Денис Давыдов получал в «Библиотеке для чтения» по 300 рублей за печатный лист, сам Пушкин, собирая материал для «Современника», платил авторам по 200 рублей за лист. Что такое 200 или 300 рублей ассигнациями в 1836 г.? На уральских частных заводах подмастерья в это время зарабатывали от 50 до 115 рублей в год; в столице младший мастерской получал 72 рубля в год, старший мастерской второго разряда — 120 — 130 рублей в год; учитель рисования в уездном училище получал жалование 200 рублей в год; канцелярист в университете или управлении учебного округа имел жалование 250 рублей в год. Таким образом, за журнальный материал в один печатный лист можно было заработать больше, чем зарабатывали рабочий, учитель или канцелярист за целый год. На гонорар в 300 рублей на московском рынке можно было купить 6552 кг муки, 5228 кг гречки, 1024 кг мяса, 379 кг масла: литературский труд оплачивался, прямо скажем, неплохо. С другой стороны, и спрос на книжном рынке был таким, что, например, «Иван Выжигин» Булгарина, изданный в 1829 г. огромным тиражом в 7000 экз., потребовал нового издания уже через неделю, а «Юрий Милославский» Загоскина, вышедший в свет в том же 1829 г., за 12 лет выдержал 8 изданий; соответственно, первый заработал на «Выжигине» 30 тысяч, а «Рославлев» второго продавался по 20 рублей, и его неплохо раскупали.

Такие литераторы, как Сенковский, Греч, Булгарин и др., поставили свое дело на твердую коммерческую основу: говоря современным языком, они организовывали рекламные кампании, используя критические отделы собственных периодических изданий, занимались продвижением продукции на рынке, устраивали разного рода акции в видах маркетинговой политики. Вся эта профессиональная кухня литераторов «торгового» или «купеческого» направления вызывала резкую неприязнь сочинителей «аристократического направления»: из всех «аристократов» один Пушкин жил литературным заработком, другие основной доход получали от службы и поместий, поэтому литературные занятия были для них не бизнесом, а предметом бескорыстного интереса и невинным желанием приобрести известность за пределами родственно-служебных кругов. А. Мицкевич характеризовал эту ситуацию так: «Писатели в России образуют род братства, соединенного многими связями. Они почти все или люди зажиточные, или чиновники правительства: пишут они большею частью для того, чтобы

приобрести славу или общественное значение. Талант у них не сделался еще товаром, и поэтому редко встречается между ними ремесленное со-вместничество и вражда интересов»²⁹. Однако с течением времени появи-лось и то, и другое, ибо процесс профессионализации литературы набирал обороты.

40-е–50-е годы XIX в. явились новой эпохой. Количество школ, биб-лиотек и издательств в несколько раз увеличилось, образован-ное/читающее общество тоже сильно выросло и вместе с тем демократизи-ровалось. С другой стороны, политический, а точнее, полицейский режим стал довольно суровым, так что рост и структурирование гражданского общества в значительной степени принял формы литераторства, книжно-журнальной культуры.

Пример профессионального литератора 40-х гг. XIX века — Белин-ский. Он окончил уездное училище, учился в Пензенской гимназии, затем поступил в Московский университет, откуда в 1832 г. был исключен по политическим мотивам. После этого он зарабатывает на жизнь частными уроками, трудится в качестве литературного секретаря у одного барина (А.М. Полторацкого), пытается подрабатывать переводами, а главное — на-чинает публиковаться в московских журналах и в 1835 г. находит работу в редакциях журналов Н.И. Надеждина «Молва» и «Телескоп» (заодно вы-ступает у своего патрона, на квартире которого он и жил, в роли «литера-турного негра»). После известной истории с «Телескопом» и его редакто-ром из-за публикации «Философического письма» Чаадаева Белинский ра-ботал в «Московском наблюдателе» а в 1839 г. переехал в Петербург, куда был приглашен А.А. Краевским для работы в «Отечественных записках».

Перед тем Белинский сильно нуждался в деньгах и занимал у своих московских друзей по 100, а то и по 10 рублей, и дозанимался до того, что на нем оказалось 2000 рублей долга. Он писал знакомым в Петербург с просьбами, подыскать ему работу у кого угодно — Смирдина, Греча, Поле-вого, Булгарина; он брался выдавать до десяти листов в месяц, высказывал желание заняться критикой, библиографией и т.д. В одном письме Панаеву Белинский писал: «...Мне надо чем-нибудь жить, чтобы не умереть с голо-ду — в Москве нечем мне жить... Мне надо ехать в Питер, и чем скорей, тем лучше. ...Кроме г. Краевского, поговорите и с другими, сами от себя или через кого-нибудь: я продаю себя всем и каждому, от Сенковского до (тьфу ты, гадость какая!) Булгарина — кто больше даст... Я готов взять на себя даже и черновую работу, корректуру и тому подобное, если только за все это будет платиться соразмерно трудам. Денег! Денег!»³⁰.

Если Белинскому нужны были деньги, то Краевскому, который в 1839 г. занялся изданием «Отечественных записок», был нужен хороший критик. Интересы совпали, и Краевский согласился взять Белинского на работу в свой журнал в качестве редактора критического и библиографи-ческого отделов. Он уплатил долги Белинского и назначил ему жалованье

в размере 3500 рублей в год. Затем жалование Белинского увеличилось до 4500 руб., а в 1843 г., когда он женился, его зарплата была поднята до 5000 руб. в год. Конечно, для его товарищей типа И.И. Панаева, который закладывал крепостных, чтобы съездить за границу, или И.С. Тургенева, который обещал подарить дочери Белинского деревню с 250 душами, образ жизни Белинского мог показаться ужасным: тяжкий ежедневный труд и беспросветная нищета. Однако, если взглянуть более объективно, то дела Белинского не обстояли так уж плохо. 4500 рублей годового жалования были не такой уж мизерной суммой: директор гимназии получал в то время 3000 руб., правитель (заведующий) канцелярией попечителя Петербургского учебного округа — 2500 руб., экстраординарный профессор Санкт-Петербургского университета — 3500 руб., ординарный академик — 5000 руб. Когда в 1846 г. Панаев и Некрасов перекупили у Плетнева «Современник», то Белинскому было назначено жалование в 8000 руб. в год.

Белинский уже однозначно работал не на светское, а на «второе» общество, и в этом последнем имел такой успех, что стал одним из первых «властителей дум» — операторов общественного мнения. Если бы в это время образованное общество совпадало со светским и, тем более, с придворным, Белинский стал бы кем-то вроде Третьяковского — шутком, забавляющим господ; но те времена прошли, читателями книг и журналов были уже не несколько сотен человек, а десятки и даже сотни тысяч (собрание сочинений Белинского, изданное после его смерти, разошлось тиражом 52 тыс. экз.), и человек, формирующий вкусы и воззрения этого множества людей, приобретал огромный, хотя и неформальный социальный статус, возвышавший его над всем «высшим обществом».

Такой человек не мог не стать носителем и проводником новой, буржуазной идеологии, которую начинают усваивать даже писатели из «хороших семей» типа Тургенева.

И.С. Тургенев был сыном отставного армейского полковника, он вырос в имении, затем учился в Москве, Петербурге, Берлине, поступил в 1842 г. в чине коллежского секретаря в канцелярию министра внутренних дел, но служить ему совершенно не понравилось, и на следующий год он вышел в отставку и до смерти так и оставался отставным коллежским секретарем. Впрочем, иметь чин X класса не было большой бедой — тот же чин имел и Пушкин; но сходство этих писателей усугублялось еще и тем, что если родовые имения Пушкина находились во владении его отца, то имениями Тургенева распоряжалась его мать, скептически относившаяся к литературным занятиям сына. Тургенев, вступив на литературное поприще, частью был, а частью хотел казаться «литературным аристократом», но Белинский не давал ему «разыгрывать барича». Тургенев, как настоящий аристократ, мог отдать свою рукопись для издания бесплатно, но тут же занимал у издателя деньги, а Белинский читал ему по этому поводу нотации: «Подтяните, ради Христа, свою распущенность, ведь можно сделаться

нравственным уродом. Мальчишество какое-то... Бичуете в других фанфаронство, а сами не хотите его бросить!»³¹. Дело было не в том, что Тургенев занимает деньги — занимали все у всех, а в том, что он из барской спеси отказывается от гонорара, дабы уподобиться настоящим писателям-аристократам старых времен.

Вот еще одна история, рассказанная Панаевой: «От Белинского Тургеневу досталась сильная головомойка, когда дошло до его сведения, что Тургенев в светских дамских салончиках говорил, что не унизит себя, чтобы брать деньги за свои сочинения; что он их дарит редакторам журнала. — Так вы считаете позором сознаться, что вам платят деньги за ваш умственный труд? Стыдно и больно мне за вас, Тургенев! — упрекал его Белинский. Тургенев чистосердечно покаялся в своем грехе и сам удивлялся, как мог говорить такую пошлость»³².

Таким образом, буржуазный принцип работы на других за деньги, бывший раньше главным критерием «подлости», возводится Белинским в добродетель, а аристократические представления о том, что должен и чего не должен делать дворянин, дабы не нанести ущерба своей чести, третируются как «пошлость». И барич Тургенев принимал и усваивал эти и подобные установки демократической идеологии.

Некрасова, в отличие от Тургенева, не надо было убеждать в том, что брать деньги за свои сочинения не постыдно. Н.А. Некрасов вырос в имени своего отца — отставного офицера, учился в Ярославской гимназии, затем был отправлен в столицу, определяться на военную службу, но вместо этого поступил вольнослушателем в университет, за что отец лишил его содержания. Юному студенту пришлось бросить учебу и начать зарабатывать на жизнь разного рода литературским трудом: он работал в редакциях, издавал различные сборники и скоро его дела пошли на лад. Некрасов стал редактором и совладельцем «Современника» (вместе с Панаевым), и это приносило ему такие доходы, что он завел двух лакеев, повара, горничную и кухарку, собственный выезд и начал вести большую карточную игру. Он выписывал себе из Англии ружья и охотничьих собак, а на медвежью охоту ездил как настоящий барин: «Везлись запасы дорогих вин, закусок и вообще провизии; брался повар, Василий (лакей — *А.Ш.*), складная постель, халат, туфли»³³. Таким образом, оказывалось, что издавать журнал прогрессивно-демократического направления может быть чрезвычайно прибыльным делом.

Впрочем, направления и взгляды в интересующем нас контексте суть дело второстепенное: речь идет не об ангажированности той или иной идеологией, а о социально-экономической стороне исторического феномена «великой русской литературы». Мы постарались показать, что пресловутый литературоцентризм золотого века русской культуры был во многом коррелятом развития книжного рынка, стимулировавшего профессионализацию литературы — в сочетании со свежей еще традицией «литературно-

го аристократизма». В отечественной интеллигентской традиции, позаимствовавшей у старинного дворянства вместе с ценностным комплексом службы/служения его презрительное отношение к буржуазии, ко всему этому озабоченному своими прибылями мещанству, данная сторона литературного процесса обычно игнорировалась, но в нынешний постлитературный век обратить внимание на изнаночную сторону этой «уходящей природы», как нам кажется, может быть и полезным, и поучительным.

Аннотация

Автор старался показать, что пресловутый литературоцентризм золотого века русской культуры был во многом коррелятом развития книжного рынка, стимулировавшего профессионализацию литературы — в сочетании со свежей еще традицией «литературного аристократизма». В отечественной интеллигентской традиции, позаимствовавшей у старинного дворянства вместе с ценностным комплексом службы/служения его презрительное отношение к буржуазии, ко всему этому озабоченному своими прибылями мещанству, данная сторона литературного процесса обычно игнорировалась, но в нынешний постлитературный век обратить внимание на изнаночную сторону этой «уходящей природы», как нам кажется, может быть и полезным, и поучительным.

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. – М., 1994. – С. 280–281; Очерки русской культуры XVIII века. Часть третья. – М., 1988. – С. 236–237.

² Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. В 2-х т. Т. 2. – М., 1952. – С. 185.

³ Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. – М., 1988. – С. 420.

⁴ Ломоносов М.В. Поэзия. Проза. Письма. – Воронеж, 1986. – С. 274.

⁵ Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. – С. 427.

⁶ Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. – С. 144.

⁷ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. – С. 297.

⁸ Русские мемуары. Избранные страницы. 1800 – 1825 гг. – М., 1989. – С. 447.

⁹ Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. – С. 442.

¹⁰ Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х томах. Т. II. – М., 1984. – С. 259.

¹¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений. – М., 1914. – С. 989.

¹² Там же. – С. 1012.

¹³ Там же. – С. 1026.

¹⁴ Там же. – С. 1052.

¹⁵ Там же. – С. 1055.

¹⁶ Там же. – С. 1101.

¹⁷ Там же. – С. 976.

¹⁸ Там же. – С. 981.

-
- ¹⁹ Там же. – С. 989.
- ²⁰ Там же. – С. 998.
- ²¹ Там же. – С. 990.
- ²² Там же. – С. 991.
- ²³ Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х томах. Т. II. – С. 294.
- ²⁴ Пушкин А.С. Собрание сочинений. – С. 1077.
- ²⁵ Там же. – С. 1009.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Пушкин А.С. Избранное. – М., 1980. – С. 86.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. – Л., 1929. – С. 70.
- ³⁰ В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. – М., 1962. – С. 198–199.
- ³¹ Панаева А.Я. Воспоминания. – М., 1972. – С. 141.
- ³² Там же. – С. 96.
- ³³ Там же. – С. 387.